

Восточные сатрапии по Ктесию (при Артаксерксе II) и соответствующие сатрапии при Дарии I, Ксерксе I и Дарии III

Сатрапии при Дарии I		Сатрапии при Ксерксе I	Сатрапии при Артаксерксе II, по Ктесию	Сатрапии при Дарии III
VII сатрапия	Απαρῆται Σατταγῶνται Γανδάριοι Δαδίκαι (Her., III, 91)	Γανδάριοι Δαδίκαι (Her., VII, 66)		Ἰνδοὶ τε ὅσοι Βακτρίους
	Βακτριανοὶ (Her., III, 92)	Βάκτριοι (Her., VII, 64)	Βάκτριοι	Βάκτριοι
XVI сатрапия	Σόγδοι	Σογδοὶ (Her., VII, 66)		Σογδιανοὶ (Arr., Anab., III, 8, 3)
	Χοράσμιοι	Χοράσμιοι	Χωράμνιοι	—
	Πάρθοι	Πάρθοι (Her., VII, 66)	Πάρυιοι	Παρθυσῆς
	Ὑρκάνιοι (Her., VII, 62)	Ὑρκάνιοι (Her., VII, 62)	Βαρκάνιοι	Ὑρκάνιοι (Arr., Anab., III, 8, 4)
	Ἄρειοι (Her. III, 93)			

В таблице не отмечены дербики Ктесия; из трех других списков им можно найти соответствие только в первом (ортокорибантин) десятой сатрапии, Her., III, 92).

С. С. Аверинцев

ПОДБОР ГЕРОЕВ В «ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ПЛУТАРХА И АНТИЧНАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

«Уж коль скоро в человеческую душу заложено стремление познавать и созерцать, есть все основания упрекнуть тех, кто злоупотребляет этим ее свойством, направляя его на ничтожные предметы..., а вещами достойными и назидательными пренебрегает».

Плутарх, «Перикл», 1

ВОПРОС об отношении Плутарха к его эллинистическим литературным предшественникам ставился не раз. Особенно активно обращались к этой проблеме немецкие исследователи первых десятилетий нашего века¹. В их руках она приобретала такую форму: в каком именно кругу — перипатетиков? учеников Каллимаха? последователей Посейдония? — возникла та «litterarische Form», которую «заимствовал» и «применял» Плутарх?

Очевидной неудаче² этих попыток объяснить известное из неизвестного не приходится удивляться. Огромная биографическая литература эллинистической эпохи знакома нам только по заглавиям и ничтожным фрагментам, которые позволяют делать известные заключения о тематике, но уж никак не о литературных особенностях текста³. Попытки

¹ F. Leo, *Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form*, Lpz., 1901 (специально о Плутархе стр. 146—177 и особенно 178—192); W. Uxkull-Gyllenband, *Plutarch und die griechische Biographie*, Stuttg., 1927 и др. Ср. К. К. Зельин, *Борьба политических группировок в Атике в VI в. до н. э.*, М., 1964, стр. 75—78; С. С. Аверинцев, *Биографические сочинения Плутарха в зарубежной науке XX в.*, ВДИ, 1964, № 3, стр. 202—212.

² Для послевоенного периода эта неудача — уже предмет всеобщего consensus'a; ср. A. Garzetti, *Plutarco e le sue Vite parallele*. *Rassegna di studi* 1934—1952, «Riv. stor. It.», 65 (1953), стр. 76 сл.; R. del Re, *Gli studi plutarchei nell'ultimo cinquantennio*, «Atene e Roma», стр. 187—196, и особенно резкие замечания А. Диле (A. Dihle, *Studien zur griechischen Biographie*, Göttingen, 1956—«Abh. d. Akad. d. Wiss.», 3. Folge, № 37,— введение).

³ Единственное исключение — опубликованный в 1912 г. (Р. Оху., IX, № 1176) большой фрагмент принадлежащей Сатиру биографии Еврипида (см. К. К. Уманский, *De Satyro peripatetico*, Cracoviae, 1929). Эта единичная, не укладывающаяся ни в какие схемы (здесь βίος оформлен как диалог!) находка только лишний раз напоминает, что немыслимо и пытаться реконструировать при помощи домыслов все многообразие форм эллинистической биографии.

Лео реконструировать структуру различных разновидностей эллинистической биографии — одно из проявлений той непомерной веры в способность умозрительного анализа компенсировать недостаток фактов, той научной *εἰρησ*, которую развили в немецкой филологии конца прошлого — начала нашего столетия ее действительно импонирующие достижения.

Попутно заметим, что явно произвольным был и взятый за предпосылку постулат, согласно которому отношение Плутарха к своим образцам⁴ исчерпывается послушным следованием и не включает никаких элементов отталкивания. Даже применительно к такому автору, как херонейский биограф, чья литературная продукция в огромной степени определяется его кругом чтения, подобный подход несправедлив. Из огромной популярности, которую получили «Параллельные жизнеописания» у читателя поздней античности⁵, можно заключить, что они отвечали на какие-то важные и дотоле не удовлетворенные запросы эпохи, — чего не могло бы быть, если бы «Плутарховы биографии» существовали до Плутарха⁶. Если бы обнаружилась возможность в том или ином отношении сопоставить, опираясь на факты, «Параллельные жизнеописания» и биографическую продукцию эллинизма — было бы особенно интересно искать черты, не только сближающие Плутарха с его предшественниками, но и отделяющие его от них как сына своего времени, живущего его интересами. Но где твердая почва хотя бы для самой скромной попытки такого сопоставления?

Есть только одна сторона эллинистической биографии, о которой мы имеем настоящие сведения и притом довольно систематические: ее тематика. Мы располагаем десятками более или менее надежных заглавий биографий или целых биографических сборников Аристоксена, Гераклида Понтийского, Сатира, Гермиппа и менее значительных представителей жанра. Можно, пожалуй, надеяться, что не так уже велико число сколько-нибудь примечательных биографических монографий и циклов, названия и самый факт существования которых остался не учтенным нашей традицией. Если же мы будем вести анализ этих сведений с оглядкой на тематику дошедших до нас биографических сочинений Непота, Светония, Тацита, Диогена Лаэртского, SHA и других авторов (а также утраченных жизнеописаний римского времени, известных нам по заглавиям и фрагментам), то это даст уже материал для достоверных выводов относительно общих тенденций античной биографии в подборе своих героев — и самостоятельности, которую в этом отношении проявил Плутарх.

Конечно, неожиданных открытий такой подход не обещает. Но реальная, конкретная, — может быть, единственная — возможность сопоставить жизнеописания Плутарха с остальной биографической продукцией античности и выделить их из общей массы не должна быть упущена.

⁴ Если Ф. Лео и В. Укскулл подверстывали Плутарха к той или иной литературной традиции, то А. Диле (ук. соч.) и К. Берген (K. Bergen, *Charakterbild bei Tacitus und Plutarch*, Köln, 1962, Diss.) с гораздо большей обоснованностью объясняют Плутарха из психологической теории Перипатоса: в обоих случаях истолкование исходит из того, что предшествовало Плутарху, но не из его собственной писательской индивидуальности и не из окружавшей его культурной (и в конечном счете социальной) ситуации.

⁵ См. старый, но образцовый разбор: R. H ir z e l, *Plutarch*, 1912 («Das Erbe der Alten», IV), стр. 74—82 и сл. Ср. также K. Z i e g l e r, *Plutarchos von Chaironeia* (RE, 41 Hb., Stuttg., 1951), стб. 947—950.

⁶ Ср. U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, *Reden und Vorträge*, B., 1924, стр. 269: «Plutarchische Biographie vor Plutarch, die sich Moderne aus Nichts geschaffen haben, hat es nicht gegeben».

Genus leve et non satis dignum, жанр легковесный и не слишком почетный — такая оценка биографии, если верить Непоту (*De vir. ill., praef.*), была в его время общепринятой. Своим возникновением этот молодой и непочтенный жанр всецело обязан кризису полисного образа жизни, выявившемуся в IV в. и развязавшему индивидуалистические тенденции⁷. Раз появившись, жанр этот вынужден был считаться с фактом существования давно сложившейся монументальной историографии, традицию которой продолжали Ксенофонт, Феопомп, Эфор и другие: поиски своего, недоступного *Universalggeschichte*⁸ материала оттесняют биографию к сугубо «периферийной» тематике.

Героев эллинистической биографии можно, в общем, разделить на две большие группы. С одной стороны, это политические деятели, не укладывающиеся в рамки традиционного полисного уклада — монархи, тираны, отступники и отщепенцы вроде Алкивиада и т. п.; с другой стороны, это люди мира *litterarum et artium*, профессиональные поэты, музыканты, живописцы, философы, риторы и прочие деятели культурной истории (см. приложение к настоящей статье). Сближение этих двух человеческих типов неожиданно, но понятно: самовластный монарх и эмансипировавшийся от полисного уклада интеллектуал-космополит в равной степени вызвали интерес не только своими общезначимыми «деяниями» (*res gestae*), но и своим приватным «образом жизни» (*vita*), потому что в нем осуществляется идеал нового индивидуализма, тот идеал, двуединое выражение которого — Александр на своем троне и Диоген в своей бочке.

Но именно поэтому и бытие монарха, и профессиональный интеллектуализм (а тем паче артистизм) равно порочны с точки зрения полисной гражданственности. Отношение последней к типу монарха сформулировано в словах Катона, приведенных Плутархом: «По самой своей природе царь — животное плотоядное»⁹, к типу художника — в замечании Плутарха: «Ни один юноша, который чего-нибудь да стоит (*οὐδείς εὐφύης νέος*), увидев Зевса в Писе, не испытает желания сделаться Фидием, а увидев Геру Аргосскую — Поликлетом, а равно Анакреонтом, или Филемоном, или Архилохом, получив удовольствие от их стихов»¹⁰.

⁷ Начало истории античной биографии приходится вести от биографически построенного энкомия Исократе «Эвагор» (сам Исократ заявляет во введении о своем новаторстве, и его претензии приходится принимать вопреки Виламовицу — «Hermes» 35, 1900, стр. 533; ср. D. R. Stuart, *Epochs of Greek and Roman Biography*, Berkeley, 1928, гл. IV), опыт которого вскоре был использован Ксенофонтом в его «Агесилае» (ср. Leo, ук. соч., стр. 91; A. Kappeler, *Xenophon und Isokrates*, WSt, 43, 1922—1923, стр. 212 сл.). Конечно, энкомий, даже биографически построенный, отличается от настоящей биографии своей установкой на пафос вместо любопытства и отбрасыванием эмоционально диссонирующего или хотя бы нейтрального материала: по исключать его на этом основании из истории античной биографии (как этого требует, например, Диле) — значит искать четких границ там, где их не может быть по самой сути дела.

⁸ По крайней мере, в том ее традиционном облике, который она имела в руках Геродота и Фукидида; впоследствии биография начинает оказывать на нее влияние.

⁹ Plut., *Sato Maior*, 8 (пер. С. П. Маркиша).

¹⁰ Plut., *Pericl.*, 2. Именно верность идеалам полисной гражданственности постоянно побуждает Плутарха настаивать на неполноценности художественного и поэтического творчества (и даже философской теории в чистом, «кабинетном» виде) сравнительно с политической практикой гражданина (Лус., 31; Numa, 4; *An seni sit ger. res. publ.*, 3; *De Alex. fort.*, 19 и др.). Поразительно, что Гирдель (ук. соч., стр. 15) находит у Плутарха «совершенно современную оценку достоинства художника... в духе Микельанджело и Бетховена (!) Единственное место, на котором основано это смелое утверждение (Cim., 4), имеет совершенно противоположный смысл: Полигнот восхваляется не как мастер своего дела, а как хороший гражданин, выполнивший свою работу *дулом*, как литургию, — иначе говоря, как раз за то, что он не был профессионалом, жившим за счет искусства. Конечно, выговаривать Плутарху за непонимание искус-

Оба случая вызывали прежде всего любопытство как некоторые человеческие *curiosa*, а затем какие угодно эмоции — от восхищения и обожаания до презрения и отвращения, но только не почтение в духе старозаветной *gravitas*, а потому к ним хорошо подходил *genus leve et non satis dignum*, в погоне за материалом охотно воспринимавший и экзальтированную легенду, и низкопробную сплетню.

В своем дальнейшем развитии античная биография — за немногими исключениями, главному из которых и посвящена наша статья, — остается верной этим интересам. Как непосредственное продолжение инерции, заданной эллинистическим придворным биографизмом, возникает *Περὶ τοῦ βίου Καίσαρος τοῦ Σεβαστοῦ καὶ τῆς αὐτοῦ ἀγωγῆς* перипатетика Николая Дамасского¹¹ (стоящая вместе с биографическими сочинениями типа *Πῶς Ἀλέξανδρος ἤχρηθη* Онесикрата или *Περὶ τῆς Ἀττάλου παιδείας* Лисимаха в длинном ряду, который открывается Ксенофоновой *Κύρου παιδεία*). Переработку эллинистического материала давало сочинение Афиней из Навкратиса (автора «Пира софистов») *Περὶ τῶν ἐν Συρίᾳ βασιλευσάντων*. На более современном материале традиция жизнеописания монарха была в Риме удачно обновлена Светонием¹²; затем она идет через Мариа Максима к SNA и уходит в средние века (Эйнхардт). На греческой почве биографический интерес к личностям цезарей усиливается в IV в.¹³ (следствие политической активизации востока Империи и разгара страстей религиозной борьбы): в *Βίος Κωνσταντίνου* Евсевия и в XVIII речи Либания (похвальное слово Юлиану Отступнику) обновляется исократовская традиция биографического энкомия правителя.

Что касается биографий второй указанной группы — тех, которые Лео называл «*litterarische Biographien*», — то они количественно преобладают и в римскую эпоху. Для жизнеописаний философов мы можем назвать: Арриана (*Βίος Ἐπικτήτου*), грандиозный сборник Диогена, неоплатоников — Порфирия (*Βίος Πλωτίνου*), Ямвлиха (*Περὶ βίου Πυθαγορείου*), Дамаския (*Βίος Ἰσιδώρου*) и Марина (*Βίος Πρόχλου*), а также анонимные биографии. Сюда же примыкает ареталогический роман Филострата об Аполлонии Тианском. Биографии риториков писали Светоний, Филострат, Евнапий и опять-таки безвестные анонимы. Эта линия античного биографизма тоже непосредственно переходит в христианскую литературу: Иероним и Геннадий отчетливо сознавали себя продолжателями давней традиции¹⁴.

Кроме двух описанных тематических групп, мы находим в античной биографической литературе еще более откровенное выражение господствовавшего над этим жанром духа любопытства, сенсации, сплетни

ва (как это сделано в курсе истории греческой литературы Криста — Шмида — Штелина, стр. 528 по 6-му изд.) не менее антиисторично. Плутарх очень хорошо чувствовал искусство — достаточно вспомнить прочувствованные и умные слова, которые он посвящает строениям афинского Акрополя (Рег., 13); но он не был бы «последним эллином», если бы мог принять и одобрить чистый артистизм.

¹¹ Русский перевод сохранившихся извлечений см. ВДИ, 1960, № 4, стр. 218—237.

¹² Ср. М. Л. Г а с п а р о в, Светоний и его книга, в кн.: Г а й С в е т о н и й Т р а н к в и л л, Жизнь двенадцати цезарей, М., 1964, стр. 266 слл.

¹³ Для времени, разделяющего Николая и Евсевия, можно назвать двух современников Адриана — его вольноотпущенника Флегонта из Тралл, составившего жизнеописание своего патрона, и некоего Аминтиана, в подражание Плутарху (но на совершенно ином материале) написавшего «параллельные» биографии Дионисия — Домитиана и Филиппа — Августа. Личность филэллина Адриана стимулировала появление ряда греческих энкомиев, возможно, биографически оформленных (Аспасий из Библоса, Орион).

¹⁴ H i e r o n., Praef. ad Dextrum:...Fecerunt hoc idem apud Graecos Hermippus peripateticus, Antigonus Carystius, Satyrus..., Aristoxenus musicus, apud Latinos autem Varro, Santra, Nepos, Hyginus ei ad cuius nos exemplum provocas Tranquillus.

или педантического коллекционирования курьезов. Писались жизнеописания гетер¹⁵, собирався материал о развратниках¹⁶ и трезвенниках¹⁷, *μικρόβιοι*¹⁸ и чудаках¹⁹. Арриан составил биографию разбойника Тиллибора; есть все основания думать, что он следовал эллинистическим образцам²⁰.

Среди такого рода сочинений немногие биографии, связанные с именами «нормальных» политических деятелей полисной эпохи, — редкие исключения, лишь подтверждающие правило. О «Жизнеописании Эпаминонда и Пелопида» загадочного Ксенофонта Афинского (не смешивать с учеником Сократа!) ничего сказать нельзя: мы не только не располагаем ни единым фрагментом этого автора, но даже не представляем себе времени его жизни²¹. Стесимброт Фасосский смог сделать Фемистокла, Фукидида и Перикла предметом сочинений с биографическим уклоном лишь потому, что превратил почтенные фигуры этих мужей в гротескные маски, насколько возможно «демонументализировав» их жизнь: когда он рассказывал о сексуальной стороне жизни Перикла, он применял к полисному деятелю тот подход сенсационного «разоблачения» частных секретов, обычным объектом которого были монархи²². С другой стороны, когда александрийские биографы (Гермипп и др.) составляли монографии о законодателях, это шло в русле антикварных изысканий, т. е. опять-таки не нарушало общего характера эллинистического биографизма.

Могло бы показаться, что важнейшим исключением является сборник Непота. На деле он едва ли идет в счет. Не говоря уже о том, что биографические выписки и заметки Непота, долженствующие сообщить любознательному римлянину некоторый минимум справочных сведений о героях греческой старины, только с оговоркой могут быть приравни-

¹⁵ Например, *Περὶ γυναικῶν* Харона Карфагенского. Судя по отражениям в позднейшей литературе, эллинистическая биография достаточно пристально занималась этой категорией знаменитостей.

¹⁶ Псевдоаристиппова *Περὶ ἡδοναφείας παλαιῶν*, послужившая для позднейшей исторической литературы неисчерпаемым источником пикантных подробностей. Ср. В. Т а р н, *Эллинистическая цивилизация*, пер. С. А. Ляковского, М., 1949, стр. 264 сл.

¹⁷ Каталог трезвенников у Афинея (44 В сл.), очевидно, воспроизводит эллинистический источник.

¹⁸ Ср. такие списки у Псевдолукиана и особенно у Флегонта из Тралл (у последнего «инвентаризация» материала проведена с точностью, поистине заслуживающей лучшего применения!).

¹⁹ Легендарный человеконенавистник Тимон удостоился жизнеописания, составленного биографом поэтов и философов Неанфом. Если это жизнеописание действительно, как полагал Лео (ук. соч., стр. 114), входило в цикл *Περὶ ἐνδόξων ἀνδρῶν*, то это было бы ярким примером того, насколько слово *ἐνδοξος* в руках античных биографов потеряло всякий серьезный оценочный смысл, став обозначением просто достопримечательной «знаменитости».

²⁰ Едва ли есть надобность строить предположения (ср. предисловие О. О. Крюгера к кн.: А р р и а н, *Поход Александра*, пер. М. Е. Сергеевко, М. — Л., 1962, стр. 13—14) о каких-то причинах, побуждавших Арриана идеализировать Тиллибора и нагружать его образ серьезной философской проблематикой. Было бы вполне в правах ангажированного биографического жанра, если бы он подошел к своему разбойнику с холодным и брезгливым любопытством, а конкретный контекст единственного упоминания этого сочинения (во вступлении к «Александру» Лукиана) делает вероятным именно это: в противном случае едва ли Лукиан усмотрел бы в «Тиллиборе» аналогию своему пососу («поношению»).

²¹ Единственное упоминание об этом Ксенофонте и его сочинении — у Диогена Лаэртского (II, 59) в перечне *ἐμμενέων* Ксенофонта Сократика.

²² Плутарх, чье не критическое отношение к источникам давно стало общим местом научной литературы, все же отлично знал цену этому низкопробному материалу (ср. *Pericl.*, 13) и относился к нему с тем большей досадливостью, что встречал в нем помеху своим установкам на «ремонументализацию» образа Перикла. Если он все-таки не мог совсем обойтись без подобных сведений, то это говорит о силе жанровой инерции античного биографизма.

ваемы к настоящим жизнеописаниям, — особенно скупо и невыразительно трактованы у него как раз такие образы афинской классики, как Аристид или Кимон, а в центре стоят (даже оставляя в стороне биографию Аттика) какие-нибудь Датам, Евмен или Ганнибал. В самом деле, биография Аристиды занимает 48 строк старого тейбнеровского издания²³ против 324 строк биографии Евмена, «Катон» — 62 строки против 292 строк «Ганнибала». Но дело даже не в этом. Непот как римлянин находился по отношению к греческому материалу в совершенно ином положении, нежели греческие составители биографий, и не должен был считаться с тем, что этот материал, поскольку он касается полисной классики, — традиционные владения монументальной историографии. Поэтому умозаключать (как это обычно делала немецкая филология со времен Эд. Мейера²⁴) от Непотовых биографий к существованию эллинистических биографий тех же героев (например Кимона) представляется неосторожным. К тому же и самый облик Непотовых *vitae* наводит на мысль, что перед нами по большей части не переработка готовых биографий, а конгломерат выписок из исторических трудов. Насколько естественно для античного биографа чувствовать себя в роли эксцерптора сочинений общепристорического характера, дают понятие слова Иеронима в уже цитированном *Praefatio ad Dextrum*: «Ведь они (т. е. биографы классической древности, в том числе и Непот, прямо названный по имени. — С. А.), раскрывая истории и летописи старых времен, имели возможность как бы собрать с этих огромных лугов цветы на маленький венок своего сочиненья...» и т. д.

В противоположность другим дошедшим до нас биографиям Непота его «Аттик» — подлинное, полноценное, разработанное жизнеописание, однако его герой — принципиальный абсентеист, не имеющий *res gestae*, но лишь приватную *vita*. Сходный случай представляет при всем кажущемся различии и «Агрикола» Тацита: деяния Агриколы, сравнительно заурядные, важны не сами по себе, но как проявление определенной жизненной установки, бережно сохраняемой в неблагоприятных условиях. Под властью Домициана мало что можно было сделать, но даже тогда истинный римлянин мог жить достойным его образом — вот что хочет сказать нам Тацит. Поэтому энкомий приобретает форму не *res gestae*, но *vita*. В добрые старые республиканские времена государственному мужу посвящали не биографию, а, как мы говорим, «историческую монографию»; о такой монографии Цицерон просил Луция Лукция (*ad fam.*, V, 12) и Посидония, уже прославившего подобным образом Помпея (*ad Att.*, II, 1).

Итак, античная биография возникла и развивалась в отталкивании от монументальной историографии, как порождение центробежных, антимонументалистских тенденций эллинистической культуры. Ее жизненной атмосферой был дух неразборчивого любопытства или дотошной педантической акрибии (а в биографическом энкомии или псогосе — взвинченной риторической патетики), ее естественными и излюбленными героями — монархи и тираны, философы, ученые, поэты, риторы, наконец, разбойники, чудаки, гетеры и т. п. Она исходит не из идеи «вели-

²³ По изданию С. Halm'a (Lipsiae, 1890).

²⁴ Ed. Meyer, *Die Biographie Kimons*, в его кн. «Forschungen zur alten Geschichte», II, Halle, 1899, стр. 1—87, особенно гл. V этой статьи. Лео (ук. соч., стр. 154, прим. 1), полемизируя с Мейером по частностям, вполне солидаризировался с его методологией. В еще большей степени приемы и выводы Мейера повлияли на анализ античного биографизма в исследовании Укскулла-Гилленбанда (ук. соч.). В последнее время концепция Мейера встречает более критическое отношение (ср. Н. Erbse, *Die Bedeutung der Synkrisis in den Parallelbiographien Plutarchs*, «Hermes», 84, 1956, стр. 398—424, особ. стр. 423).

кого человека», а из идеи «знаменитости» в смысле некоторого *curiosum*, и в этой кунсткамере Александр или Эпиктет могли соседствовать с Тимоном или Тиллибором.

Подбор героев в ранних, не дошедших до нас биографических циклах и отдельных жизнеописаниях Плутарха вполне соответствовал традиционному направлению, заданному эллинистическими образцами. Мы находим здесь восемь римских цезарей (от Августа до Вителлия: «Гальба» и «Отон», как известно, сохранились), трех поэтов (Гесиода, Пиндара, Арата) и философа Кратета. Когда Плутарх писал биографии героев, более или менее принадлежащих мифу (Геракла, Даифанта и Аристомена), он опять-таки следовал за эллинистической традицией антикварной инвентаризации мифологического материала²⁵.

То же можно сказать и об «Артаксерксе»: эта биография восточного деспота, наполненная сенсационными картинками заговоров и казней, а также обильными этнографическими деталями²⁶, тематически идет в старом русле; только по авторской интонации как будто можно заключить, что Плутарху не доставало жестокого любопытства, чтобы понастоящему увлечься таким материалом. Но «Арат» и особенно утраченные «Леонид» и «Метелл»²⁷ уже ближе к «Параллельным жизнеописаниям».

Переходим к последним. Из 24 имен греческой половины сборника (считая утраченную биографию Эпаминонда) большая часть приходится как раз на эпоху полисной классики: мы встречаем здесь афинян Солона, Фемистокла, Аристиды, Кимона, Перикла, Никия, Демосфена и Фокиона, спартанцев Лисандра и Агесилая, фиванцев Эпаминонда и Пелопида — сиракузских борцов за полисное «благозаконие» Диона и Тимолеонта — всего 14 имен. К ним примыкает и «последний эллин» Филопмен. Мифическая старина представлена Тесеем и Ликургом: примечательно, что о работе над этим материалом Плутарх (*Thes.*, 1) говорит уже не без иронии: «Пусть же мифическое начало (*τὸ μῦθος*), очищенное разумом (*λόγῳ*), проявит покорность и примет видимость истории (*ἱστορίας ὅψιν*), но там, где оно своевольно пренебрежет правдоподобием (*τοῦ πιθανοῦ περιφρονῇ*) и откажется от всякого приближения к нему, мы попросим читателей о благосклонном снисхождении к этим рассказам о старине (*πρὸς τὴν ἀρχαιολογίαν προσδεχόμενον*)». Излюбленная александрийскими антикварами *ἀρχαιολογία* явно занимает в «Параллельных жизнеописаниях» периферийное положение²⁸, и характерно, что пара Тесей — Ромул была выполнена одной из последних. Что касается македонских монархов

²⁵ Удовлетворительное представление об этом виде биографии дают дошедшие жизнеописания Эзопа, Гомера и Гесиода.

²⁶ Античная теория биографии видела в этнографическом материале естественное достоинство биографии; ср. *Neros, De vir. illustr., praef.* Естественно, что жанр, главной задачей которого было изображение «различных образов жизни» людей (ср. *Leo*, ук. соч., стр. 97, *Wilmowitz-Moellendorff, Reden und Vorträge*, II, стр. 264), проявлял интерес к такому же изображению образа жизни целого народа.

²⁷ Если эта последняя биография вообще была написана. Ср. *Wilmowitz-Moellendorff*, ук. соч., стр. 258, прим. 1; *Ziegler*, ук. соч., стб. 896. В так

называемом Ламприевом каталоге она отсутствует, что Плутарх любил эту сферу и за-

²⁸ Справедливости ради следует сказать, что Плутарх любил эту сферу и за- платил обильную дань антикварным интересам в многочисленных сочинениях (*Αἰτια Ῥωμαϊκά*, *Αἰτια Ἑλληνικά*, утраченные *Αἰτια βαρβαρικά*, *Πολέων κτίσεις*, *Περὶ τῶν ἐν Πλαταναῖς δαιδάλων* и др.); эти интересы присутствуют и в «Параллельных жизнеописаниях», но не они в первую очередь определяют суть этого сборника.

и диадохов, то Филипп, достаточно популярный герой античной биографической (Сатир, Аминтиан) и полубиографической (Феопомп) литературы, вообще отсутствует: это легко понять — Филипп не только был антипатичен Плутарху как недруг эллинской свободы, но весь брутальный облик царя-полуварвара и связанные с его именем подробности пиришествнно-альковного свойства, которые с таким удовольствием расписывал тот же Феопомп (см. Приложение), плохо подходили к общей атмосфере «Параллельных жизнеописаний». Вообще отметим, что одиозных фигур Плутарх избегает (например, среди деятелей эпохи персидских войн мы не находим Павсания); единственное исключение (пара Деметрий — Антоний) особо оговорено (Dem., 1). Не приходится удивляться, что Александру, герою своих восторженных юношеских декламаций, Плутарх посвятил большое жизнеописание, по объему второе в сборнике. Однако диадохи и эпигоны представлены лишь маленькой биографией Эвмена и жизнеописаниями Пирра и Деметрия, из которых последнему отведена незавидная роль темного фона для добродетелей других героев. Из эллинистических монархов мы встречаем еще Агида и Клеомена, но они включены в этот ряд как раз в качестве неудачливых восстановителей древних, «ликурговских» порядков и, стало быть, как поздние собратья героев полисной классики.

Что касается римлян, то здесь центр тяжести естественно сдвинут в направлении эпохи гражданских войн. Мифическая и полумифическая древность представлена именами Ромула, Нумы, Попликолы, Кориолана, Камилла, эпоха Пунических войн — именами Фабия Максима, Марцелла, Сципиона (по-видимому, Старшего²⁹) и примыкающего к ним Катона Старшего. Таким образом, республиканской старине Рима уделено все же довольно много места. Период гражданских войн дан в биографиях Гракхов, Мария, Суллы, Сертория, Лукулла, мы встречаем здесь весь так называемый «первый триумвират», его противников — Цицерона, Катона Младшего и Брута. На тех же основаниях, что и Деметрий, как отталкивающий образец порочности включен Антоний.

Бросается в глаза оценочный подход к отбору персонажей. Здесь исконный для биографии дух любопытства и сенсации очевидным образом отступает перед установкой на облагораживающее педагогическое воздействие, декларированной Плутархом в постоянно цитируемом вступлении к жизнеописанию Эмилия Павла³⁰. *Genus leve et non satis dignum* явно стремится к *gravitas*. В основе лежит не любопытство, но пietet, не идея «знаменитости», но оценочная концепция «великого человека»³¹, в соответствии с которой отобран канон *ἥριςτος καὶ δοκίμος*. Канон этот имеет отчетливо выраженный классицистический характер, что также ново для биографии.

В целом сборник дает некоторую монументальную картину греко-римского прошлого, в которой на первом месте стоит для Греции полисная, для Рима республиканская классика. К классицистическому пантеону как бы примирительно приобщаются такие притягательные образы нового, индивидуалистически организованного мира, как Александр или Цезарь. На греческой половине сборника особенно отчетливо видно, что она имеет как бы два центра: главный — жизнеописания афинян от Солона до Алкивиада и второстепенный — биография Александра.

²⁹ Ср. Ziegler, ук. соч., стб. 896.

³⁰ Можно вспомнить и другую его декларацию — ту, которую мы вынесли в эпиграф к настоящей статье.

³¹ Ср. Н. J. Mette, Der «grosse Mensch», «Hermes», 89 (1961), Heft 3. В этой статье исследована история понятия «великий человек» и его словесного оформления в греческой литературе; как показывает Метте, больше всего материала в этом отношении дают Полибий и Плутарх (в то время как прочей античной биографии это понятие чуждо).

Настоящая статья при ее скромных размерах по необходимости ограничена в своих задачах. Стремясь показать оригинальную работу Плутарха при подборе героев его сборника, мы подробно рассматриваем лишь две необычные для античного биографизма черты этого подбора: классицистическую окрашенность и оценочную направленность. Но нельзя не упомянуть о том, что писательская индивидуальность Плутарха с ее запросами и интересами очевидным образом проявляется и в других аспектах его канона героев. Это хорошо видно из сопоставления с таким трактатом Плутарха, как *Πολιτικὴ παραγγέλια*. И в биографиях, и в трактате мы сталкиваемся с одной и той же проблематикой, и даже иллюстрирующие ее примеры более или менее одни и те же (ср. особенно гл. XI трактата). Так, в деятельности государственного мужа Плутарх как прирожденный педагог-моралист видит прежде всего ее воспитательную сторону. Политик — воспитатель; народ — воспитуемые: вот концепция Плутарха. Ее ключевой термин — *πολιτικὴ παιδεία* (ср., например, Pгаес. ger. rei publ., XXI, 816 E; IV, 800 A). Мы видим, что эта политико-педагогическая проблематика исключительно широко представлена в «Параллельных жизнеописаниях». Ею определен интерес Плутарха к личностям законодателей (Ликург, Нума, Солон; в эту же категорию до некоторой степени входят Плутарховы Тесей и Ромул) и политических реформаторов (тот же Солон, Агид, Клеомен, Гракхи). Интересно, что у современника Плутарха, Диона Хрисостома, мы находим рассуждения о законодателе как «демоне», своей политической педагогией изменяющем нравы и самую душу своего народа (ог. XXVI). Воспитатель должен уметь правильно поставить себя с воспитуемыми: он не должен отпугивать их излишней суровостью и неуступчивостью и в то же время не должен заискивать перед ними. Пример первой крайности — объединенные по этому признаку в пару Фокион и Катон Младший (отсутствие педагогического дара в обращении с толпой неоднократно отмечается и для Кимона и особенно Лукулла). Напротив, робкий Никий — чается и для Кимона и особенно Лукулла). Напротив, робкий Никий — пример второй крайности (ср. также рассуждение о демагогах — Agis, 1, где аристократический смысл концепции Плутарха выступает с особой отчетливостью). Образец умеренной твердости — Фабий Максим, противопоставляющий неразумию толпы непреклонную строгость (гл. X и др.), но умеющий, где нужно, быть мягким и смотреть сквозь пальцы на человеческие слабости (гл. XX), а то и воспользоваться ими ради пользы дела (гл. XXI).

Подбор героев сборника хорошо выражает всю сложность отношения Плутарха к проблемам единовластия, римского владычества и другим. Жизнеописания Александра и Цезаря, несмотря на все проявления критического отношения к обоим, дают довольно величественные образы властителей, за которыми стоит судьба (ср. особенно Caes., 69). Но им противопоставлены как предостережение об опасных возможностях единовластия фигуры Деметрия и Антония; с явным восхищением Плутарх изображает греческих и римских тиранноборцев — Диона, Тимолеона, Брута (характерна примирительная концовка: Brut., 58), Римское владычество для Плутарха — очевидная неизбежность, и он с искренней любовью прославляет Тита Фламиния как образец наиболее гуманного варианта этого владычества. Однако в паре с Фламинином выступает строптивый «последний эллин» Филопомен (концовка его биографии подчеркивает его враждебность Риму и в то же время опять-таки вносит примирительную интонацию). Таким образом, во всех деталях подбора героев сборника мы чувствуем самого Плутарха, с его убеждениями, воззрениями и интересами.

Оценочному подходу Плутарха соответствует количественное распре-

деление материала в сборнике. Здесь мы уже не встретим таких диспропорций, как у Непота; если, например, для Аристиды почти не было биографического материала, то Плутарх в заботе о том, чтобы жизнеописание столь великого мужа заняло подобающий объем, включает в него чуть ли не всю историю греко-персидских войн. Конечно, разница в количестве материала все же сковывала Плутарха, и этим объясняется, например, то, что самые большие по объему (и нередко наиболее красочные) биографии отведены римлянам I в., а не, скажем, грекам V—IV вв.; однако жизнеописания последних (за вычетом Демосфена, которого Плутарх недолюбливал³²) также достаточно монументальны, нередко — за счет умелого введения материала, связанного с основной темой отдаленными ассоциациями. На место господствующей в античной биографии центробежной тенденции здесь вступает стремление к центрированности и монументальности. Контраст очевиден.

Как раз потому, что для позднейших времен Плутархов канон греко-римских героев так нормативен и так привычен³³, очень трудно представить себе, что для античной биографии эта галерея портретов образцовых мужей была нарушением инерции, неожиданным новшеством. И все же это было так, и мы имеем тому наглядное подтверждение: когда в следующем после Плутарха поколении упоминавшийся выше Аминтиан выступил как подражатель херонейского биографа, переняв у него «параллельное» расположение жизнеописаний, он не последовал за своим образцом в подборе героев. Инерция жанра взяла свое: монархи и тираны — Дионисий, Филипп, Август, Домициан — снова заступили место полисных деятелей.

В общей перспективе путей античной культуры отношение Плутарха к эллинистической традиции представляется довольно ясным. Для перипатетической и александрийской биографии, как и для всей эллинистической культуры, классика была вчерашним днем, от которого надо было оттолкнуться и который надо было «превзойти» любым способом. В этом смысле биографические писания, скажем, Гермиппа стоят на той же линии, что и поэтическое творчество его учителя Каллимаха³⁴. И здесь, и там главные черты — парадоксальное сочетание экстравагантной патетики или сентиментальности с подчеркнутой сухостью и «документализмом» (*οὐδὲν ἀνάρτυρον!*), который у того и другого становится нередко объектом откровенной игры (Гермипп ссылается в своем рассказе о Фалесе на свидетельство некоего Патека, чья душа в одном из своих прежних существований находилась в теле Эзопа и отлично запомнила все впечатления той жизни!)³⁵. Если для классической эпохи между серьезными материями и безделками, между *καλδεία* и *καίδι* пролегла четкая грань, то теперь эта грань исчезла: в политической повседневности интимные особенности характера какого-нибудь македонского или иного монарха оказались важнее постановлений афинского народного собрания, а в духовной сфере деятельность перипатетиков, занявшихся ин-

³² Ср. непочтительные упоминания о нем в декламации *De gloria Atheniensium*, 8.

³³ Ходячее представление о «самых великих» деятелях греко-римского мира, сложившееся за века европейской культуры, формировалось в огромной степени именно под влиянием отбора, произведенного Плутархом. Ср. меткое замечание К. Циглера (ук. соч., стр. 898).

³⁴ Непохожую характеристику Гермиппа как ученика Каллимаха дал в свое время Дильс-Шубарт (H. Diels-Schubart, *Didymos' Kommentar zu Demosthenes*, В., 1904, введение, стр. XXXVII).

³⁵ Plu t., Sol., 6. Та же атмосфера ощущается, например, в начале Каллимахова гимна Зевсу.

вентаризацией» фактологического материала по самым различным дисциплинам, не бывало раздвинула круг предметов, которыми «не стыдно» было интересоваться серьезному человеку. Стало казаться безразличным, к чему прилагать педантическую акрибию. Античная биография была поприщем для виртуозов многознания. По словам Непота (De vir. ill., praef.), в его время положительные римляне издевались над составителями биографий за то, что они тратят силы на выяснение проблемы, «как звали человека, который обучал Эпаминонда музыке». Мы можем наблюдать этот стиль античного биографизма достаточно наглядно и у Светония, и у SNA. Как известно, Плутарх в своих авторских декларациях неоднократно отмежевывается от *ἁρχαῖος ἱστορία*, коллекционирующей в угоду пустому любопытству нужные и ненужные сведения (например, Nic., 1). Современные исследователи нередко видели в таких высказываниях выпад моралиста против подлинной историографии, чуть ли не специально против Фукидида³⁶. Споры нет, Плутарх говорит о полезности или бесполезности тех или иных сообщений для моралистических, педагогических или в лучшем случае психологических целей; однако если читать Плутарха, памятуя о его непосредственных литературных предшественниках, гораздо естественнее представить себе, что его критика направлена не против историзма фукидидовского стиля, к которому он относился если без глубокого понимания, то во всяком случае с уважением (ср. De gloria Athen., 3), — но как раз адресована эллинистической *πολυπράγμοσύνη*, принципиально игнорировавшей всякие критерии различия важного и вздорного.

Для эпохи классицистической реакции, которая раньше приобретает четкие черты на римской почве, чем на греческой, полисная классика — это уже не предмет отталкивания, но именно «классика», «сокровищница» — во владение которой нужно заново вступить. Свое прошлое нужно по-новому осмыслить и увидеть, одновременно приблизив его к своему настоящему и романтически переживая его отдаленность: историко-культурная ситуация требовала синтеза реставрируемых классических традиций и эллинистического индивидуализма, причем реализацией этого синтеза должна была явиться монументальная историография большого стиля. В основе этих явлений лежала моральная проблематика включения обособленного индивидуума в заново обретаемую целостность: классическую формулу этого двуединства этики гражданственности и патетики индивидуализма дал Вергилий: «...Amor patriae laudumque immensa cupido» (Aen., VI, 823). У Плутарха эта проблематика выражается в его концепции «благородного славолубия», умеренные проявления которого служат источником всех благ, эксцессы — корнем всех зол общественной жизни³⁷.

На римской почве запросы эпохи в наиболее адекватной форме удовлетворил Тит Ливий, преобразовав историографию в национальный эпос, в котором соединяются спокойный и широкий ритм повествования, отвечающий идее традиционного «благообразия» и достоинства ³², и сентиментальную патетику, порожденную новой, индивидуалистической культурой, но обращаемую опять-таки в русло благонамеренного патриотизма.

³⁶ W. Christ, W. Schmid, Griechische Literaturgeschichte, II°, стр. 271; С. Я. Лурье, Плутарх и его время, в кн.: Плутарх, Избранные биографии, М.—Л., 1941, стр. 13—14.

³⁷ Ср. С. Я. Лурье, Две истории V века, в кн.: Плутарх, Избранные биографии, стр. 19—28.

³⁸ Сенека Старший (Suas., XXII, 6, 21) называет Ливия за это величавое простодушие «*natura candidissimus omnium magnorum ingeniorum*» ср. подобное же выражение и у Квинтилиана, II, 5, 12.]

Разумеется, уже этот индивидуалистический элемент требовал использования формального опыта эллинистической историографии, в частности и биографической литературы. У Ливия, например, интонации биографического энкимуа довольно широко допускаются в тех отступлениях, которыми сопровождается упоминание о смерти того или иного героя и которые Сенека Старший сравнивает с *laudationes funebres*³⁹. Но то обстоятельство, что Плутарх для создания монументальной идеализированной картины греко-римской старины использовал столь мало подготовленный своими предшествующими судьбами к таким задачам биографический жанр в его чистом виде, не растворяя его в иной жанровой структуре, достаточно примечательно. Судя по всему, «Параллельные жизнеописания» — единственная встреча античной биографии и классицизма «греческого возрождения». Эта единичность требует объяснения.

Конечно, в какой-то мере различный формальный подход к аналогичным задачам у Ливия и Плутарха объясняется тем, что ранняя римская история носит гораздо более «безличный» характер, чем греческая (характерен опыт Катона, задавшегося целью совсем очистить свое изложение от имен). Важнее другое. Работая над реактуализацией римской архаики, перерабатывая в духе своего времени уже использованный некогда материал, Ливий мог рассматривать анналистов (а также иноязычного Полибия) как *βλη*, как простой материал, дожидющийся литературной обработки на его родном языке: но не мог же Плутарх отнестись таким же образом к Геродоту, Фукидиду, Ксенофону, Феопомпу, Эфору, даже к какому-нибудь Филарху!⁴⁰ Именно об этом говорит часто цитируемое вступление к Плутархову «Никию»: обращаясь к материалу, уже использованному классической монументальной историографией, нужно остерегаться соперничать с ней на ее же путях, и единственный выход — найти иной подход к старой теме. Так, Фукидид неподражимо (*ἀμιμήτως*) справился с задачей прагматического изображения сицилийской катастрофы, и пытаться его превзойти — праздная затея. Но еще можно заново организовать материал уже не на исторических, а на биографических началах, ставя во главу угла не событие как таковое, а «уразумение душевного склада» (*κατανοήσεις ἡθους καὶ τρόπου*). Излишне говорить, что биографический подход сам по себе как нельзя лучше подходил для индивидуалистических и сентиментальных тенденций «греческого Возрождения». Это — трюизм. Необходимо, однако, внести уточнение: биографический подход в том варианте, который — насколько мы можем судить, — впервые проявился в творчестве Плутарха.

Необходимо иметь в виду, что если Ливий работал над монументальной картиной отечественной древности, то Плутарх исходил из более универалистских задач. Ощущение единства «мировой», т. е. греко-римской истории у Полибия было гениальным непосредственным наблюдением, констатацией реального причинного сцепления событий, которую

³⁹ Suas. IV, 21: «Когда историки рассказывают о смерти какого-нибудь великого мужа, почти всякий раз следует очерк всей его жизни и как бы надгробное похвальное слово; так раза два поступил Фукидид..., но щедрее на это для всех великих мужей был Тит Ливий». О значении таких «некрологов» Фукидида для античного биографизма см. Лео, ук. соч., стр. 86.

⁴⁰ Разумеется, Плутарху случалось перерабатывать и биографически оформленные источники (хотя, несомненно, гораздо реже, чем это представлялось старой немецкой Quellenforschung). Однако как раз в работе над материалом, относящемся к полисской старине, он располагал, как правило, источниками иного рода. Предполагаемые «перипатетические» биографии полисных деятелей — создание фантазии немецких исследователей.

мог сделать именно человек, причастный к политической практике. Естественно, что Полибий реализовал свои фактические наблюдения в формах прагматической истории. Через несколько поколений, когда Pax Romana окончательно распространилась на Средиземноморье, универалистская концепция истории становится общим местом, доступным разумению даже такого ограниченного ума, как Диодор⁴¹; в то же время она становится более абстрактной, сближаясь с исконным кинико-стоическим космополитизмом⁴². Этим подготавливается универсализация исторического материала уже не на прагматических началах, а на основе отвлеченных моралистико-философских идей общечеловечности, столь характерных для греческой вульгарной философии. С этой точки зрения не важно, где и когда живет человек, — важно, что это за человек, какой этико-психологический тип он реализует. Такой подход, конечно, было удобнее осуществлять в биографии, нежели в историческом изложении. Плутарх поступает еще последовательнее: в самой группировке жизнеописаний он абстрагируется от места и времени⁴³, изымая каждого из своих героев из диахронической последовательности истории и ставя его лицом к лицу с человеком иной эпохи и иного народа. Разумеется, это «антиисторизм»: однако без этого не могла бы быть создана та обобщенная и идеализированная картина греко-римской гражданственности и гуманности, которая стала впоследствии достоянием европейской культуры.

Конечно, Плутарх — менее всего космополит. В этом он довольно решительно расходился с современной ему популярной философией (характерна его апология реалий полисного почвенничества против доктринерской критики стоиков). Абстрактная общечеловечность философов у Плутарха получает конкретизацию, но не на исторической основе, а на основе идеи культуры. Если можно выделить в «Параллельных жизнеописаниях», где многое обусловлено просто непринужденной *Lust zu fabulieren*, проходящую через весь сборник тенденцию, то ее содержание — тезис о значении *παιδεία* (морально-философской культуры в ее греческом варианте) как необходимой предпосылки *πολιτικῆ ἀρετῆς* — «Гражданской доблести»⁴⁴. Эта концепция дает Плутарху конкретный критерий

⁴¹ О связи своего замысла всемирной истории с действительностью Римской империи Диодор говорит сам (I, 4).

⁴² Ходовая философская аргументация у того же Диодора, (I, 1 слл.): *οἰκουμένη* — единая община; историк, собирающий все народы и все события в единое изложение — сотрудинок божества, собирающего все в единый космос и т. п.

⁴³ Разумеется, это не значит, что Плутарху вообще была безразлична историческая обстановка деяний его героев. Напротив, он часто прилагает немало усилий воображения, чтобы возможно нагляднее представить себе эту обстановку. Он отлично понимает, что деятельность государственного человека осуществляется не в пустом пространстве (ср. рассуждения на эту тему в *Præc. ger. rei publicae*, 3 и др.). В особенности красочны и развернуты характеристики бедственного состояния государства в начальных частях жизнеописаний реформаторов (Ликурга, Нумы, Солона, Агида, Клеомена, Гракхов). Но эти характеристики поражают нас своим сходством (см. З е л ь и н, Борьба политических группировок в Атике в VI веке до н. э., стр. 82—84). Для Плутарха не существует специфической, неповторимой, подчиненной своим внутренним законам исторической эпохи, но лишь принципиально изоморфные исторические ситуации: эти ситуации зависят лишь от неизменной человеческой психологии и потому вечно повторяются. Это — общее для всей античной историографии понимание, четко сформулированное у Фукидида: «По причине смуты на государства обрушилось много тяжких бед, которые повторяются и теперь и будут повторяться вечно, покуда человеческая природа остается одной и той же» (III, 82): *καὶ ἐπέπεσε πολλὰ καὶ χαλεπὰ κατὰ στασι ταῖς πόλεσι, γινόμενα μὲν καὶ αἰεὶ ἔσομενα, ἕως ἄν ἡ αὐτὴ φύσις ἀνθρώπων ᾖ*. Плутарх лишь до предела заострил этот тезис античной антропологии, сделав его основой формальной организации сборника.

⁴⁴ Этот тезис составляет специальное содержание трактатов с характерными заглавиями: «О том, что философу надлежит беседовать с правителями» и «К неприсве-

«параллельного» изображения и оценки греческих и римских героев. Только на основе приятия норм греческой *παιδεία* возможна всечеловеческая общность; между греками и римлянами она, по Плутарху, уже существует.

Это обстоятельство помогает объяснить замысел Плутарха, предполагавший «параллельное» обозрение греческого и римского канона великих мужей. Конечно, навык к «синкрисису» был чрезвычайно развит у античного человека риторическим воспитанием и составлял неизменный прием греко-римской историографии⁴⁵. В частности, как видно из Цицерона (*Brutus*, 42—43), единичное сопоставление римского героя с греческим было настолько общим местом, что приходило в голову риторически образованному человеку почти автоматически. Но распространение этого принципа на совокупность героев греческой и римской политической истории в целом, так что для каждого сочлена этой совокупности подыскивается аналог в другом ряду — предприятие, насколько можно судить, единичное. О том, что оно казалось уникальным и древнему читателю, можно судить по тону известной эпиграммы Агаффия (*AP*, XVI, 331).

Между тем существовала сфера, для которой систематическое сопоставление Греции и Рима было привычным и естественным. Речь идет о сфере *παιδεία*, *litterae*. В самом деле, римская культура развивалась в постоянном соперничестве с греческой: римский комплекс научных дисциплин, литературных родов и видов и т. д., если не в действительности, то в теории воспроизводил греческую модель структуры *παιδεία*. Римляне не ставили под сомнение универсальный характер греческого идеала культуры, но стремились превзойти свои образцы в пределах этого идеала. Эта *aemulatio* (дух которой наглядно выступает в известном анекдоте об Аполлонии Родосском — *Plut.*, *Cic.*, 4, в эпиграмме Проперция об «Энеиде» и в десятках других общеизвестных примеров) делала параллельное рассмотрение греческого и римского ряда естественным. Так поступает, например, Квинтилиан в своем обзоре римской словесности: Вергилий — это римский коррелят Гомера (*X*, 1, 85), Саллюстий — Фукидида (101 сл.), Тит Ливий — Геродота (105), Цицерон — Демосфена (105 слл.: дается развернутое сопоставление, и притом, как и в Плутарховых *συγκρίσεις*, указываются не только общие, но и контрастирующие черты), тот же Цицерон — Платона (103: конечно, Платон берется не как философ, а как мастер философской прозы). Сходным образом Цицерон (*Brut.*, 26—38) предпосылает истории римского красноречия в виде разъясняющей параллели историю греческого ораторского искусства.

Если Плутарх переносит этот подход в сферу политической истории, это узаконено тем, что для него *πολιτικὴ ἀρετὴ* искусство государственной деятельности — составная, и притом важнейшая, часть *παιδεία*, как бы одна из дисциплин ее, однородная по сути своей с другими. Конечно, осуществить этот замысел было нелегко, и в большей части «параллели» остались достаточно натянутыми. Однако в ряде случаев связь группировки биографий с концепцией *παιδεία* проступает чрезвычайно наглядно.

ценному властителю». Он позитивно раскрывается с наибольшей яркостью в биографиях «пифагорейца» Нумы, «мудреца» Солона, ученика мудрецов Перикла, любителя философии Пелопида, платоника Диона (см. выше), римских филэллингов: Лукулла, Цицерона, Катона Утического и Брута. К последней группе следует добавить также утраченные жизнеописания обоих Сципионов.

⁴⁵ Общеизвестные примеры: сопоставление Сципиона и Ликурга у Полибия (*X*, 2, 8—13), Цезаря и Катона у Саллюстия (*Catil.*, 53—54), Германика и Александра у Тацита (*Ann.*, II, 73). Ср. L e o, ук. соч., стр. 149—150; P. K i r n, *Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranke*, Göttingen, 1955, стр. 72 сл.

Так, Дион и Брут объединены прежде всего как платоники, в равной степени обнаружившие своей тираноборческой деятельностью нравственный закал идей Академии: это подчеркивается в первой же фразе биографии Диона. Рядом стоят Пирр и Марий — оба, по Плутарху, храбрые и гениальные полководцы, но грубые солдафоны, пренебрегавшие духовной культурой (Puth., 8 и особенно Mar., 2), что придавало их облику черты мрачного и бессмысленного авантюризма (Mar., 46, где герою специально ставятся в пример просвещенные греки — Платон и Антипатр Тарсийский). По сходству полученного воспитания поставлены рядом Филопмен и Фламиний (Philor., 4; Flamin., 1). И, наконец, Плутарх прямо шел за традицией историко-литературного «сопоставления», введя пару Демосфен — Цицерон⁴⁶: в этом случае он прямо оговаривает перенесение этой «параллели» из сферы литературной критики (πότ' ἑτέρω ἢ δὲ ἰσὺν ἢ δεινότερος εἴπειν — Dem., 3) в область πράξεις и πολιτείας.

Таким образом, мы видим, что подбор и группировка героев в «Параллельных жизнеописаниях» обусловлены специфическими задачами, которые ставила перед Плутархом культурная ситуация его эпохи. Решая эти задачи, он проявил в обращении с традициями эллинистического биографизма далеко заходившую самостоятельность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Настоящее приложение должно служить иллюстрацией к тому, что сказано в статье о преобладающих тематических направлениях эллинистического биографизма (см. выше, стр. 53).

Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о «биографическом жанре», но именно о биографизме. Приводимый ниже материал заведомо разнороден. Прежде всего в нем фигурируют, наряду с жизнеописаниями, такие сочинения, которые мы обычно называем «историческими монографиями». Совершенно очевидно, что в таких монографиях биографический подход более силен, нежели в монументальной истории. В то же время мы можем видеть, хотя бы на примере «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны» Саллюстия, насколько далеко они могут отходить от биографической структуры. По заглавиям и фрагментам провести четкое разделение между жанрами не всегда возможно; для наших целей это едва ли и нужно — речь идет об общем античном стиле биографизма, как он проявлялся не только в биографии, но и в смежных жанрах. Перечисленные ниже авторы мало имеют между собой общего и по своему писательскому облику: между серьезным историком Иеронимом Кардийским и коллекционером сенсационных сообщений Гермением мало сходства. Тем убедительнее картина в целом.

Перечисление не претендует на исчерпывающую полноту. Исторические монографии сознательно брались выборочно; что касается биографий, то здесь полнота невозможна уже потому, что в большом числе случаев по заглавию и скудным фрагментам нельзя быть уверенным в жанровой характеристике сочинения. Иллюстративным задачам перечня это едва ли может послужить помехой.

Монархи. Сборники: Харон из Навкратиса — Βασιλεῖς οἱ ἐκ παλαιῶν γεγονότες παρ' ἑκάστῳ εἶναι, Менаандр Эфесский — Αἱ ἀφ' ἑκάστου τῶν βασιλέων πράξεις αἱ παρὰ τοῖς Ἑλλήσι καὶ βαρβάροις γενομένοι, Тимаген Александрийский (писал уже на исходе эллинистической эпохи) — Περί βασιλέων, Иероним из Кардии — Περί διαδόχων. Монографии: Сатир — Βίος Φιλίππου, Онесикрат из Астипалеи — Πῶς Ἀλεξάνδρος ἤχθη (слова Диогена Лаэртского — VI, 84 — наводят на мысль о подражании Ксенофоновой «Киропедии»), Марсий из Пеллы — Ἀλεξάνδρου ἀγωγή, Никанор — Ἀλεξάνδρου βίος, Антиклид Афинский — Περί Ἀλεξάνδρου, Нимфис Гераклеяский, Дорофей

⁴⁶ Как известно, Цицерий из Калевакты посвятил сопоставлению двух ораторов особый трактат. Конечно, это был не единичный пример.

Афинский, Потамон Митиленский (последний работал в эпоху, переходную от эллинистического к римскому периоду) — сочинения с тем же заглавием (личность Александра Великого, по-видимому, сыграла для истории греческой биографии примерно такую же роль, как для истории греческого скульптурного портрета); Асклепиад, сын Ария, — *Περὶ Δημητρίου τοῦ Φαληρέως*, Тимохар — *Περὶ Ἀντιόχου*, Посейдоний — *Περὶ Περσέως*, Лисимах — *Περὶ τῆς Ἀττάλου παιδείας*. В *Φιλιππικά* Феопомпа история Греции трактовалась как бы в рамках грандиозного жизнеописания македонского царя (за что Феопомпа критиковал Полибий — VIII, 13, 3—5) и притом с обилием специфически биографических подробностей, не без оттенка скандального разоблачения частных секретов¹.

Тираны. Известны следующие сборники: Харон Карфагенский — *Τύραννοι, ὅσοι ἐν τῇ Ἑυρώπῃ καὶ Ἀσίᾳ γεγόνασι*, Файний — *Περὶ τῶν ἐν Σικελίᾳ τυράννων*, Батон Синопский — *Περὶ τῶν ἐν Ἐφέσῳ τυράννων* и монографии: Дурис Самосский — *Περὶ Ἀγαθοκλεῆς*, Батон — *Περὶ τῆς τοῦ Γερωνόμου τυράννιδος*. По-видимому, у Сатира было жизнеописание Дионисия Младшего (в сборнике βίαι или, по Иерониму, *adv. Iov.*, II, 14; *Illustrium virorum historiae*; ср. Leo, ук. соч., стр. 118). Уже у Геродота есть чисто биографический интерес именно к тиранам — Писистрату, Кипселу, Периклу (например, эпизод Мелиссы — V, 92 — прямо превосходит стиль античного биографизма вплоть до Светония и SNA).

Алкивиады и «демагоги». Об Алкивиаде писал Сатир и, по-видимому, другие представители эллинистической биографии. Сенсационно-разоблачительный характер имел огромный экскурс X кн. Феопомповых *Φιλιππικά* — *Περὶ τῶν Ἀθήνησι δημαγωγῶν* (ср. статью: P. Laqueur, *Theopompus*, RE, 2. Reihe, X. Hbb., 1934, стб. 2212 и 2214): дошедшие фрагменты касаются преимущественно таких тем, как взяточничество Фемистокла, непростой поведенческой Клеона и т. п. Сборник *Περὶ δημαγωγῶν* написал также Идоменей.

Поэты. Биографические циклы со стереотипным заглавием *Περὶ ποιητῶν* составляли: Файний, Гераклид Понтийский, Дамаст и Праксифан. Какие-то биографии поэтов (Эпихарма, Софокла и других) входили, по-видимому, в сборник *Περὶ ἐνδόξων ἀνδρῶν* Неанфа. Гераклиду Понтийскому, Аристоксену и Сатиру принадлежали монографии об афинских трагиках (о принадлежащей последнему биографии Еврипида см. выше прим. 3). Огромную «биографическую» литературу вызвал Гомер (*Περὶ Ἀρχιλόχου καὶ Ὀμήρου* Гераклида Понтийского, *Περὶ Ὀμήρου* Анаксимена из Лампсака); восемь позднейших жизнеописаний Гомера сохранились. Несомненно, отголоском эллинистического биографизма являются анонимные биографии греческих поэтов, дошедшие в рукописях их сочинений. Известное издание А. Вестерманна (*Βιογραφοί: Vitae scriptores graeci minores*, Brundsvigae, 1845) дает 282 жизнеописания такого рода (88 — эпиков, 46 — лириков, 49 — трагиков, 96 — комиков, 3 — букоλικов).

Музыканты, живописцы, скульпторы. *Περὶ ἀλλήτων* Аристоксена (одного из столпов античной музыкальной теории) *Περὶ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν καὶ μουσικῶν* Главка из Регия и др.

Суда упоминает под именем некоего Памфила (фигура неясная) сочинение *Περὶ γραφικῆς καὶ ζωγράφων ἐνδόξων*. Несомненно, сильный биографический элемент содержали *Περὶ ζωγράφων* и *Περὶ τορευτικῆς* Дуриса Самосского (как это видно из единственного фрагмента *Περὶ τορευτικῆς* — Plin., *Nat. hist.*, XXXIV, 61). Для античности, как и для эпохи Гибберти и Вазари, единственной мыслимой формой «истории искусства» была «история художников».

¹ Дионисий Галикарнасский так характеризует это сочинение: Βασιλέων τε βίους καὶ τρόπων ἰδιώματα δεδήλωκεν... καὶ βίους ἀνδρῶν καὶ πράξεις καὶ τέλη καὶ τύχας... ἀλλ' ἐξετάζειν καὶ τὰς ἀφανεῖς αἰτίας τῶν πράξεων καὶ τῶν πράξαντων αὐτὰς καὶ τὰ πάθη τῆς ψυχῆς, ἃ μὴ ῥάδια τοῖς πολλοῖς εἶδέναι, καὶ πάντα ἐκκαλύπτειν τὰ μυστήρια τὰς τε δοκούσης ἀρετῆς καὶ τῆς ἀγνωσμένης κακίας.

Философы. Жизнеописания философов (и входивших в эту категорию — как мы это видим и в 1-й кн. Диогена — легендарных «мудрецов» начальных времен греческой культуры) составляли почти все видные представители эллинистической биографии: Аристоксен (Περὶ Ἀρχύτα βίαις, Αρχύτα β., Σωκράτους β., Πλάτωνος β., Τελέστου β.; возможно, они входили в сборник Βίοι ἀνδρῶν, как можно было бы заключить из Plut., Non posse suav. vivi, p. 1093 с, хотя Лео — ук. соч., стр. 102 — находил это неправдоподобным), Сатир (биографии семи мудрецов, Пифагора, Эмпедокла, Зенона Элейского, Анаксагора, Сократа, Платона, Диогена, Анаксарха, Стильпона), Гермипп (семь мудрецов — не менее, чем в четырех книгах, Пифагор, Аристотель), Идомений (Περὶ τῶν Σωκρατικῶν), Неанф (Περὶ τῶν πεθαυσιμῶν — заглавие сомнительно, см. P. Jacoby, FrGrHist., II, A, стр. 194), Антигон из Кариста (о влиянии его биографий Полемона, Кратета, Крантора, Аркесилая, Менедема и др. на изложение Диогена Лаэртского см. U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Antigonos v. Karystos, Phil. Untersuch., 4, 1881) и др. Грандиозную систематизацию биографического материала о философах по διαδочαί произвел Сотион.

Шедшие рука об руку интерес к жизни философов и к жизни тирана курьезным образом соединялись в труде Гермиппа Οἱ βίοι τῶν ἀπὸ φιλοσοφίας εἰς τυραννίδας καὶ δυναστείας μετεστηκότων.

Прочие писатели. Περὶ σοφιστῶν Дамаста, принадлежавшие Гермиппу монографии об Исократе и его учениках и т. д. Цитированное выше издание Вестерманна дает 155 жизнеописаний «риторов и софистов».

В изобилии составлялись биографии историков (у Вестерманна 84), грамматиков (у Вестерманна 70, не считая тех, которые помещены в одну рубрику с риторами) и, между прочим, врачей (у Вестерманна 24; только одному Гиппократу посвящены три дошедшие жизнеописания).